

Oleksandra V. SAVCHENKO

Post-Graduate Student of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;

e-mail: oleksandra_savchenko88@mail.ru; tel.: +38 (0482) 499906; cell.: +38 063 8471536

COGNITIVE BASES OF OBJECTS' NAME OF THE VIRTUAL WORLD IN THE A. J. PEKHOV'S NOVEL «PERESMESHNIK»

Summary. This article presents an analysis of individually-authorial neologisms in the Alexei Pekhov's novel-tehnofentezi «Peresmeshnik». The purpose of the article is the analysis of cognitive bases of the names of objects, realities and beings composing the virtual world of the fantastic work. By analyzing the material it was revealed, that the author of fiction text uses individually-authorial neologisms for naming the virtual objects. The examples show, that they are formed, as a rule, on the basis of the distorted foreign vocabulary; depending on the author's purpose Russian roots and even onomatopoeias can be used. The author identified thematic groups of individually-authorial neologisms, which include: the names of races, mythical creatures, nationalities and related adjectives, names of professions and titles, monetary items, and a few occasionalisms. Classified neologisms are used in the text; they show how the necessity of creation of original virtual reality is realized by the author in his work.

Key words: author neologisms, virtual world, the Russian language, fiction, neologism, A. Ju. Pekhov.

Статтю отримано 18.11.2014 г.

УДК [811.16+811.13+811.11]'373.211.1'366.593

СКЛЯРЕНКО Ольга Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;

e-mail: asklyarenko@yahoo.com; тел.: +38(0482)493103, моб.: +38 098-0230913

«ИМПЕРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ» В ОНОМАСТИКЕ (ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье представлен типологический анализ антропонимов и сложных топонимов (композитивов), которые производны от форм повелительного наклонения глаголов в славянских, романских и германских языках. Установлены черты сходства между единицами, формирующими особую императивную модель имён собственных в индоевропейских языках.

Ключевые слова: императивная модель, топоним, ойконим, антропоним, композит.

В славянской топонимии имеется конструкция, «многими замеченная, но остающаяся загадочной, — императивная (повелительное наклонение): *Звенигород, Гуляй-поле*». Такие названия «очень своеобразны и уходят корнями ещё к временам славянской общности (как модель, а не отдельные названия, конечно)» [11, с. 94—95].

Известно, что 'глагольные' конструкции или образования, «особенно широко представленные в тюркских языках» [2, с. 53; 7, с. 39; 20, с. 426], «отсутствуют в индоевропейской топонимике» [3, с. 234; 4, с. 43] и «в целом не характерны для ономастики как русского, так и других индоевропейских языков» [6, с. 25]. Так, например, в казахской топонимике Кустанайской области довольно часто встречаются сочетания наречия и глагола в повелительном наклонении, где топонимы **Алгабас** «Стремись вперёд», **Керикет** «Иди назад», **Туражур** «Иди прямо» свидетельствуют об исторических фактах, связанных с военными действиями [3, с. 235—236]. Однако А. К. Матвеев, рассматривая, по его словам, «императивные конструкции» в русской микротопонимии, отмечает, что они «встречаются в таком количестве, что о них можно говорить как об особом топонимическом типе, а не просто о казусе», и приводит ряд примеров на территории Архангельской области — названия урочищ: **Боли серцо, Вали вон, Вздери ножки, Гуляй меги** (*мег* — сев.-русск. диалектн. 'мыс', 'излучина реки'), **Кол тащи, Разломи ноги** и др. [10, с. 5].

В молодых топонимических системах США и Канады есть слой композитивов императивного типа, образованных путём сочетания глаголов в повелительном наклонении и постпозитивных наречий или адвербиальных конструкций ср. амер.: *Lookout, Startup, Roundup, Spanaway, Nodaway, Callaway, Hathaway, Wendover, Bakewell, Speedwell, Fazewell*, канад.: *Needmore, Backus Holdfast, Dropmore, Blow-me-down, Come-by-Chance*.

Композиты модели «глагол + существительное» — преимущественно названия с прозрачной внутренней формой: первый компонент — основа, обычно совпадающая с повелительным

наклонением глагола, второй компонент имеет аналог среди апеллятивов, амер.: **Blowhorn** (AL), **Changewater** (NJ), **Cuthand** (TX), **Cutbank** (MT), **Digway** (UT), **Grindstone** (PA), **Killbuck** (NY), **Killdeer** (ND), **Licklog** (GA), **Shakerag** (GA), **Snapfinger** (GA), **Shuteye** (CA), **Turnbull** (FL), **Wakefield** (MI), **Wakeforest**, **Lovejoy** (IL), **Loveland** (DE). Ср. канад.: **Cutbank**, **Drinkwater**, **Makepeace**. Они являются результатом окказионального словообразования, так как при их возникновении ведущую роль играли конкретные экстралингвистические факторы. Внутренняя форма, например, ойконима **Blowhorn** (AL) напоминает о времени, когда охотившиеся здесь охотники дули в свои рога, созывая собак [31, с. 4]; ойконом **Killdeer** (ND) своим содержанием сообщает, что здесь охотились на оленей [31, с. 266]; название посёлка **Grindstone** (PA), указывает, что здесь добывались камни для мельниц по перемалыванию зерна [29, с. 171]; возле селения **Licklog** (GA) находились выдолбленные внутри брёвна, в которые насыпали соль, чтобы приходившие сюда животные могли слизывать её [31, с. 266].

Во французском языке вербальные композиты могут реализовываться в моделях: а) сочетание двух глаголов в повелительном наклонении, типа **Tournemire** [33, с. 681] (*обернись* и *смотри*) или **Tournecoup** [33, с. 681] (от глаголов *tourner* 'поворачивать' и *couper* 'резать'); б) сочетание императива с прилагательным (наречием), типа **Tournefort** [31, с. 681] (*поворачивай сильно*): речь идёт о мельнице или ветре [31, с. 681]. Есть императивные формы и в микротопонимии Германии [см., напр., 44].

Композиты явились результатом универбации двухсловных конструкций, которые и сейчас есть в ойконимии, амер.: **Wake Forest** (NC); канад.: **Cut Knife** ср. трёхсловные топонимосочетания, амер.: **Kill Devil Hill** (N.C.); канад.: **Cut Throat Harbour** (Nfld.). Украинский ойконим **Гуляйбалка** (Од) до 1967 г. писался раздельно — **Гуляй Балка** [24, с. 53], ср. рус.: **Гуляй Городок**, **Гуляй-Поле**, **Гуляй-Борисовка** (Ростовская область) [1, с. 64]. На Украине эта модель сохраняет свои словообразовательные потенции с древности до настоящего времени. Так, ойконим **Звенигород** впервые фиксируется в Галицкой земле ещё в 1086 г., затем — в Киевской земле в 1097 г., в XII веке в Киевском княжестве. Типологически очень интересно наличие образований аналогичной модели как в украинской, так и в российской ойконимии: рус. **Звенигород** (Мос), укр. **Звенигород** (Льв, Тр), **Сушибаба** (Вл), **Гуляйполе** (Днп и др.), **Копайгород** (Вн), **Підопригори** (См), **Печихвости** (Льв, Вл), **Печиводи** (Хм). **Недайвода** и **Залийвода** или **Хвалибог**, **Хвалибога** [23, с. 134, 240]. Ср. ещё: **Луписуки** (с 1946 г. — *Берестівка*), а также **Лупишкур** [14, с. 117].

Это ярко выраженные «экзоцентрические сложные ойконимы»; сумма значений составляющих их компонентов резко отличается от результирующего значения слова. Гор. **Торгпорт** (Од) (позже гор. **Порт**) в послевоенное время имел шутовское название Копайгород (многие люди после войны жили в землянках) [21, с. 59]. Названия этой модели сформировались на народном уровне, а затем проникли в официальную ойконимию. Сейчас они встречаются в разных регионах Украины. Так, ойконим **Гуляйполе**, в котором Е. С. Отин видит реализацию топонимической модели «форма повелительного наклонения + номенклатурный термин» [12, с. 87], в украинской топонимии встречается семь раз и отмечен в пяти областях. Легко понять внутреннюю форму топонима, указывавшего на тогдашнее состояние дорог Урвиколеса [9, с. 52]. Семантически прозрачными кажутся такие названия как **Недайвода** (Дн) или **Залийвода** (Хр), связанные, возможно, с опасностью подтопления селений [23, с. 798, 746]; название реки **Шукайвода** — из-за пересыхания реки летом [28, с. 356]. М. Фасмер, анализируя ойконом **Звенигород**, объясняет, что это — «(укреплённый) город, в котором при приближении опасности звонили для оповещения окрестных жителей» [25, с. 86]. З. Т. Франко считает, что топонимы этой модели зарождались как экспрессивные эквиваленты названий тех географических мест, которые не были ранее названы. Эти экспрессивные эквиваленты названий закреплялись на апеллятивном уровне, а затем онимизировались [26, с. 23].

Типологически интересно отметить наличие эмоционально-экспрессивных топонимов модели «глагол + существительное» и в других славянских языках. Ср. болг.: **Деривол**, **Деримагаре**, **Дерикон** и др. (болг. *магаре* 'осёл'); в другом месте эти топонимы даются в раздельном написании: **Дери вол**, **Дери магаре** [8, с. 34, 136].

Особенно многочисленны сложные топонимы (композиты) с первым глагольным компонентом во французском языке. Как и в украинской ойконимии, эти композиты зародились в народной речи [см., напр., 35; 45] и встречаются преимущественно в названиях мелких сельских поселений (деревни, хутора), отдельных ферм, замков, бывших феодальных укреплений. Они не встречаются в названиях городов. Разные романские языки не одинаково богаты вербальными топонимами. В этом плане выделяется окситанский язык. Окситанский (провансальский) язык как отдельный романский язык полностью сформировался к X веку (с конца XVI века он постепенно теряет статус языка и сходит на уровень местного диалекта 'патуа'). Именно старокситанский язык создал большую часть своих топонимов, составляющих сейчас неотъемлемую часть топонимии Франции [19, с. 124—125].

По мнению Э. Нэгра, окситанский язык «любит топонимы — вербальные образования (*“formations verbales”*)» [37, с. 54]. Наиболее ранние образования, по мнению Э. Нэгра, принадлежат той топонимической модели, в которой первый компонент коррелирует с глаголом в повелительном наклонении второго лица ед. числа, а второй компонент имеет аналогом существительное — прямое дополнение. Окситанский композит *Vatpalmas* (936 г.) [37, с. 54] (*бей в (свои) ладони*) внутренней формой выражает чувства скорби, уныния, печали из-за неплодородного земельного участка, из-за бесплодной почвы. Французский ойконим *Grattepanche* (от *grater* ‘скрести’, ‘царапать’ и *panse* ‘живот’, ‘брюхо’, т. е. «Скреби (землю) брюхом») своим метафорическим содержанием также указывает на неплодородный участок земли [33, с. 330]. В окситанском композите *Brametourte* первый глагольный компонент восходит к глаголу *bramar* со значением ‘кричать’, ‘вопить’; ‘страстно желать’, а второй компонент — к слову *torta* со значением ‘круглая буханка хлеба’. Этот топоним употреблялся для экспрессивной характеристики бедности жителей именуемой деревушки [37, с. 54]. Иную семантическую тональность наблюдаем в ойкониме *Cassalari* (*cassalagui*) со значением «Гони печаль (тоску, заботу)» от слов *cassar* ‘гнать’ (ср. франц. *chasser*) и *lagui* ‘печаль’, ‘тоска’, ‘забота’. Интересна исходная семантика топонима, восходящего к названию местной церквушки *Lausafam* «Восхваляй голод» (по-французски *«loue la faim»*) [37, с. 55]. Две небольшие речушки имели устрашающие названия (в раздельном написании) *Négo Pore* «Топи свинью» и *Négo Danos* «Топи дам» [37, с. 55].

Многочисленная группа глагольных композитов как в провансальском, так и во французском языках представлена моделью «императив + вокатив» (т. е. глагол в повелительном наклонении второго лица единственного числа сочетается с существительным в звательном падеже и, таким образом, формируется географическое название). Примерами этой структурной модели могут послужить полные экспрессии названия провансальских деревень *Badefols* (*Badafol*, 1243 г.) (дословно «Открой, дурак!») и *Badevillain* «Открой, негодяй!» — коллективные прозвища, применяемые к сельским жителям [33, с. 45], ср. *villain* ист. ‘крестьянин’ в смысле ‘деревенщина’.

Наиболее многочисленный топонимический ряд вербальных композитов представлен образованиями с начальной основой, восходящей к латинскому слову *cantare* (франц. *chanter* ‘петь’) и с конечной основой, восходящей к словам нескольких семантических полей, таких как названия птиц: *Chantalouette* (*alouette* ‘жаворонок’), *Chantecaille* (*caille* ‘перепелка’), *Chantecoq* (*coq* ‘петух’), *Chanteduc* (*duc* ‘филин’); названия животных: *Chanteboeuf* (*boeuf* ‘вол’, ‘бык’), *Chanteloup* (*loup* ‘волк’), *Chanterenard* (*renard* ‘лиса’), *Chantesouris* (*souris* ‘мышь’); названия насекомых и земноводных и др.: *Chantemouche* (*mouche* ‘муха’), *Chantecrapaud* (*crapaud* ‘жаба’), *Chantegrenouille* (*grenouille* ‘лягушка’) и др. [30, с. 55—57]; ср. испанские топонимы: *Cantagallo*, итальянские — *Cantagallo* (*gallo* ‘петух’, и *Cantagalina* (*galina* ‘курица’). Мнения ученых разделились: считать ли первый компонент восходящим к повелительному наклонению глагола типа ‘пой, жаворонок (перепелка, петух и т. д.)’ [32, с. 87—105; 38, с. 160—165; 42, с. 555—563] или восходящим к изъявительному наклонению типа ‘(место, где) поёт жаворонок (перепелка, петух и т. д.)’ [30, с. 62—63; 5, с. 108]. А. Доза и Ш. Ростен также рассматривали эту проблему и чётко изложили своё мнение. Анализируя образования с конечным компонентом, восходящим к апеллятиву *loup* ‘волк’, они указывают, что начальный компонент восходит к глаголу в повелительном наклонении и вся конструкция ‘волк, пой!’ используется «иронически, для обозначения мест, где выли волки», ср.: *Chanteloup*, *Chantelouve*, *Canteloup*, *Cantaloube* и др. [33, с. 142]. Такие образования многочисленны в Нормандии и Пикардии, на Юге и на Севере Франции [19, с. 126].

Старопровансальский (староокситанский) глагол *mirar* ‘смотреть’ в своей императивной форме лёг в основу многих топонимов в сочетании с различными существительными, ср. *Mirammas* (*Miramars*, 1118 г.) от лат. *mare* ‘море’; *Miramont*, *Miremont* от лат. *mons* ‘гора’; *Miraval*, *Mireval* от лат. *vallis* ‘долина’ [33, с. 458]. Особое распространение получило сочетание (*mirar* ‘смотреть’ + прилагательное *beau* ‘красивый’) *Mirabeau* (*Mirabel*, 1165 г.) дословно «Смотри, (как это) красиво». Этот топонимический термин обычно обозначает высоту, с которой видно далеко вдаль, и выступает в разных вариантах: *Mirabel*, *Mirambeau*, *Mirbel*, *Mirebeau*, *Mirebel*, *Miribel* [33, с. 458]. Интересно отметить наличие таких топонимов в ойконимии США, ср. в Калифорнии: *Miramar*, *Miramonte* [43, с. 298]. Г. Гудде рассматривает слово *mira*, вопреки распространённому в США представлению, не как ‘вид’, а как глагол в настоящем времени третьего лица ед. числа, и американский ойконим *Miramar* интерпретирует как «(Он) смотрит на море», а ойконим *Miraleste* считает восходящим к исп. *mira al leste* «(Он) смотрит на восток» [34, с. 240] (Дж. Стьюарт же рассматривает слово *mira* в топонимии как императив ‘смотри!’, ‘созерцай!’ [43, с. 298]).

Несмотря на всё своеобразие такой структурно-словообразовательной группы топонимисты обычно избегают вопроса о том, что послужило первоначальным импульсом для появления в ойконимии такой специфической структурной модели композитов. По нашему мнению, эта модель прошла следующий эволюционный путь. В английском языке она зародилась в разговорно-просторечной среде как апеллятивное обозначение людей. Сложения с первым компонентом,

сходным с императивом, очень экспрессивны и обычно имеют отрицательные характеризующие коннотации, указывая на какую-либо заметную черту людей, их характера, наружности, деятельности: *fillbelly* ‘обжора’ (дословно ‘набей брюхо’), *scarecrow* ‘пугало’ (дословно ‘пугай ворону’), *scrape-penny* ‘скряга’ (дословно ‘наскреби мелочи’), *spitfire* ‘вспыльчивый человек’ (дословно ‘плюй огнём’), *killjoy* ‘нудный’, ‘скучный человек’ (дословно ‘убей радость’). Это не была исконно английская структурная модель. Композиты такой модели не зарегистрированы в древнеанглийском языке. Самые ранние композиты типа *pickpocket* возникли в XII—XIII вв. под влиянием французских слов, образованных этим способом, ср. франц. *coupe-bourse* и аналогичное англ. *cutpurse* ‘вор-карманник’; франц. *coupe-gorge* и англ. *cutthroat* ‘головорез’ [36, с. 38]; ср. укр.: *зірвіголова*, *крутиголова*, *вертихвіст*, *дурисивіт*, *пройдисвіт*, *гонивітер*; ср. рус.: *вертихвостка*, *держиморда*, *сорвиголова*, *сверниголова*, *скопидом*, *развейдом* [18, с. 114].

Такого рода пейоративные обозначения людей легко превращались в прозвища людей, а затем и в их фамильные имена: Падинога, Непейцин, Дериглазов, Закусилович [22, с. 295, 665, 530, 552]. Ср. первоначальные параллельные прозвища любителей выпить, франц. *Voileau* и англ. *Drinkwater* «Пей воду» [40, с. 292]; франц. *Boivin* «Пей вино» и англ. *Drinkale* «Пей эль» [40, с. 277, 282]. Ср. прозвища алчных, жадных к деньгам людей, англ. *Gatherpenny*, *Lovegold* [40, с. 280]. Со временем рассматриваемая модель стала употребляться для формирования прозвищ, обозначающих профессию, вид занятий. Охотников на волков называли прозвищами *Catchlove*, *Cutlove*, где конечное *love* восходит к франц. *-loupe*, *-love* ‘волк’, т. е. «поймай волка», «зарезь волка» [40, с. 283]. Дровосека называли прозвищем *Copestake* от французского глагола *couper* ‘рубить’ и англ. *stake* ‘кол’, ‘столб’ [40, с. 281], ср. фамилию *Cutbush* (*cut* ‘резать’, *bush* ‘куст’) [15, с. 141]. Экспансия новой антропонимической модели вызвала появление прозвищ и фамилий с разнообразной семантикой, ср. *Winlove* «Завоюй любовь» [40, с. 284]. Ср. фамилию *Breakspear* (*break* ‘ломать’, *spear* ‘копье’) [15, с. 89]. Такие фамилии как *Shakespeare*, *Shakelance*, *Shakeshaft* имеют первым компонентом основу глагол *shake* ‘трясти’, ‘потрясать’ [18, с. 114].

Образование фамилий из прозвищ без дополнительных структурных средств более свойственно украинскому языку, чем другим восточнославянским языкам. В результате имеем большое число самобытных, ярких, уникальных украинских фамилий типа *Перебийніс*, *Затулівітер*, *Молибога*, *Гуляйбіда*, *Непийпиво*, *Недайборщ*, *Забийворота* [19, с. 129].

Типологически близкими на структурном уровне и на уровне дономастической семантики представляются фамилии с исходным значением ‘пей воду’, ср. нем.: *Trinkwasser*, англ.: *Drinkwater*, итал.: *Bevilaqua*, а также французские фамилии *Voileau*, *Voilleau* (собственно *bois l'eau*).

Возникновение совершенно новой структурной модели в языке — процесс достаточно сложный, длительный и, по словам В. А. Никонова, «уходит корнями ещё во времена славянской общности» [17, с. 84—86; 16, с. 112—113; 117—118, 121]. Однако переход структурной модели из одной группы онимов в другую в рамках единой ономастической системы представляется более лёгким, что и обусловило появление ойконимов модели «глагол + существительное», ср. антропоним *Лупибаба* и ойконим *Сушибаба* (Вл); антропоним *Вернигора* и ойконим *Вернигородок* (Вн). В. П. Шульгач прямо этимологизирует ойконимы *Печихвости* (Вл) и *Сушибаба* (Вл) как восходящие к прозвищам, соответственно *Печихвостъ* и *Сушибаба* [27, с. 106, 135]. Ойконимы типа *Урвиколеса* могли быть структурно (и семантически) подкреплены гидронимами типа *Урвихвіст*, *Вурвихвіст*, связанными с апеллятивом *вирви-хвіст* (‘топь’, ‘болото’, ‘ржавая вода’) [38, с. 367].

Переход антропонимов в ойконимическую сферу в США — явление обычное. Так возник ойконим *Lovelady* (TX) от имени первопоселенца *C. Lovelady* [43, с. 266]; ойконим *Lovelock* (NV) — от имени служащего железной дороги *G. Lovelock* [41, с. 578]. Определённое значение для закрепления в ойконимии этой модели имели и популярные одно время в США ойконимы, образованные от переведённых на английский язык имён индейцев. Таков, например, отантропонимический ойконим *Shuteye* (CA) от имени одноглазого индейца [34, с. 357]; название деревушки *Killbuck* (*kill* ‘убить’, *buck* ‘самец оленя’) (NY) — от имени некогда жившего здесь вождя местного индейского племени [39, с. 182]. Затем, видимо, ойконимы создавались по аналогии с уже имеющимися. При этом каждое новое название создавалось индивидуально, опираясь на существующую структурную модель.

Во французском языке сложные слова с первым глагольным компонентом очень рано стали употребляться в качестве прозвищ, ср.: *Trousse bason* «Вытряхивай сало»; *Chase pie* «Гоняй сороку»; *Brise pot* «Разбивай горшки»; *Pique pain* «Кусай хлеб». Некоторые прозвища — характеристики мошенников, воров, грабителей: *Vide-rue*, *Vide-bourse*, *Tire-coq* [5, с. 103, 107]. Из ономастики эта словообразовательная модель перешла в апеллятивную сферу французского языка.

Некоторые ойконимы рассматриваемой структуры возникли в результате народной этимологии, переосмысления иноязычных слов. Американский ойконим *Pickpocket* (PH) возник в результате трансформаций созвучного индейского названия *Pakwokek* [43, с. 371], а уступающее название посёлка, основанного выходцами из Дании, *Killdevil* (NC) имеет вполне

миролюбивое исходное значение: слово *kill* < дат. 'канал', 'ручей', слово *devil* < дат. 'холм', 'край поля', а всё сочетание значит «Ручей у края поля» [39, с. 182]. Ср. также устаревшее бывшее название украинского села **Карайдубина**, которое происходит от топонимической семы **Карайтабен** и представляет собой, по словам Е. С. Отина, паронимическое выравнивание с сопровождающей морфологизацией, обусловленное фактором внешнего формально-аналогического уподобления [13, с. 70]. Само переосмысление топонима **Карайдубина**, свидетельствует о потенциальной употребительности словообразовательной модели «глагол + существительное» в украинской топонимической системе.

Таким образом, своеобразная и колоритная «загадочная» композитная модель встречается в разных языках как в апеллятивной, так и в ономастической сферах. Ей свойственно наличие эмоционально-экспрессивных коннотаций, которые, даже выветрившись из-за частого употребления, полностью не исчезают, а всегда остаются на периферии восприятия.

Литература

1. *Атлас автодорог России, стран СНГ и Балтии (приграничные районы)*. — М. : ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография»; АСТ, 2001. — 200 с. : карт.
2. *Балакаев М. Б.* Основные типы словосочетаний в казахском языке / М. Б. Балакаев. — Алма-Ата : Изд-во АН Казах. ССР, 1957. — 123 с.
3. *Битанова А. С.* Глагольные конструкции в казахской топонимике Кустанайской области / А. С. Битанова // Питание ономастики : материалы II Респ. наради з питањь ономастики (К., 1962). — К. : Наукова думка, 1965. — С. 234—236.
4. *Битанова А. С.* Из наблюдений над казахской топонимикой Кустанайской области / А. С. Битанова // Вопросы топониматики. — Свердловск, 1962. — Вып. 1. — С. 4—43.
5. *Бочарова А. Г.* К вопросу об истории развития сложных слов с глагольным компонентом во французском языке (на материале имён собственных) / А. Г. Бочарова // Уч. записки Ташкентского гос. пед. ин-та ин. языков. — Ташкент, 1962. — Вып. 6. Ч. 1. — С. 97—117.
6. *Витушкина Л. А.* «Глагольные» конструкции в русской ономастике / Л. А. Витушкина // Учёные записки УрГУ. Серия Филологическая. — Свердловск, 1970. — Вып. 13. № 90. — С. 25—29.
7. *Донидзе Г. И.* Глагольные топонимы в тюркских языках / Г. И. Донидзе // Топонимика Востока. Новые исследования : [сб. статей]. — М. : Наука, 1964. — С. 39—46.
8. *Займов И.* Местные имена в Пирдопско / И. Займов ; отговорен ред. акад. Вл. Георгиев. — София : БАН, Ин-т за български език, 1959. — 300 с.
9. *Карпенко Ю. О.* Топонимия Буковины / Ю. О. Карпенко. — К. : Наук. думка, 1973. — 240 с.
10. *Матвеев А. К.* Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимии / А. К. Матвеев // Вопросы языкознания. — М., 1965. — № 6. — С. 3—15.
11. *Никонов В. А.* Введение в топонимику / В. А. Никонов. — М. : Наука, 1965. — 179 с.
12. *Отін Є. С.* Рецензія на: М. Т. Янко. Топонімічний словник-довідник Української РСР / Є. С. Отін. — К. : Радянська школа, 1973. — 180 с. // Мовознавство. — К., 1974. — № 6. — С. 86—89.
13. *Отін Є. С.* Різні типи паронімічного вирівнювання слів в апелативній та ономастичній лексиці / Є. С. Отін // Мовознавство. — К., 1973. — № 2. — С. 63—73.
14. *Пура Я. О.* Походження назв населених пунктів Ровенщини / Я. О. Пура ; [ред. Т. О. Головіна]. — Львів : Світ, 1990. — 143 с.
15. *Рыбакин А. И.* Словарь английских фамилий: ок. 22 700 фамилий / А. И. Рыбакин. — М. : Русский язык, 1986. — 576 с.
16. *Селищев А. М.* Происхождение русских фамилий, личных имён и прозвищ / А. М. Селищев // Избранные труды. — М. : Просвещение, 1968. — С. 97—128.
17. *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2: Тексты, словарь, очерки морфологии / А. М. Селищев. — М. : Изд-во Мин. просвещ. РСФСР, 1952. — 206 с.
18. *Склярченко О. М.* Экзотично-загадкова композитна модель «дієслово + іменник» (на матеріалі ойконімії США та України) / О. М. Склярченко // Українська мова. — 2009. — № 1. — С. 113—117.
19. *Склярченко О.* Типологічна ономастика : [монографія]. У 5 кн. Кн. 2: Ономастичний словотвір у типологічному ракурсі / Олексій Склярченко, Ольга Склярченко. — Одеса : Астропринт, 2013. — 408 с.
20. *Султаньяев О. А.* Из наблюдений над глагольными названиями Кокчетавской области / О. А. Султаньяев // Филологический сборник. — Алма-Ата, 1967. — № 6—7. — С. 425—433.
21. *Топонімія південно-східної Одещини* : [методичні вказівки] / [Ю. О. Карпенко, А. Т. Бевзенко, Г. Ю. Касім та ін.]. — Одеса : ОДУ, 1978. — 88 с.
22. *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имён / Н. М. Тупиков. — СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1903. — 857 с.
23. *Українська РСР*: Адміністративно-територіальний поділ на 1 вересня 1946 року. — 1-е вид. — К. : Держполітвидав УРСР, 1947. — 1063 с.
24. *Українська РСР*: Адміністративно-територіальний поділ [на 1 квітня 1967 р. з дод. відомостей про зміни до 1 січня 1969] : у 2 т. Т. 1 / [відп. ред. В. Є. Нижник]. — К. : Політвидав України, 1969. — 541 с.
25. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 2 / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёв ; ред. и автор предисл. Б. А. Ларин. — 2-е изд., стер. — М. : Прогресс, 1986. — 672 с.
26. *Франко З. Т.* Граматична будова українських гідронімів / З. Т. Франко. — К. : Наукова думка, 1979. — 185 с.
27. *Шульгач В. П.* Ойконімія Волині: Етимологічний словник-довідник / В. П. Шульгач. — К. : Київ, 2001. — 189 с.

28. Янко М. Т. Топонімічний словник України: Словник-довідник / М. Т. Янко. — К. : Знання, 1998. — 432 с.
29. Alotta R. I. Signposts and Settlers. The History of Place Names in the Middle Atlantic States / R. I. Alotta. — Chicago : Bonus Books, Inc., 1992. — 654 p.
30. Billy P. Les composés en canta- dans la toponymie de la France / P. Billy // Nouvelle Revue d'Onomastique. — Société française d'onomastique. — 1990. — № 15—16. — С. 55—86.
31. Blevins D. The Unusual Origins of More than 3000 American Place Names / D. Blevins. — Nashville, Tennessee : Cumberland House, 2000. — 435 p.
32. Camproux Ch. Des toponyms qui chantent / Ch. Camproux // Testschrift Walther von Wartburg zum 80. Geburtstag. — Tübingen, 1968. — С. 87—105.
33. Dauzat A. Dictionnaire étymologique des noms de lieux en France / A. Dauzat, Ch. Rostaing. — Paris : Librairie Larousse, 1963. — 738 p.
34. Gudde E. G. California Place Names. The Origin and Etymology of Current Geographical Names / E. G. Gudde. — 4th ed., rev. and enl. — Berkley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1998. — XXVI + 467 p.
35. Longnon Au. Les noms de lieu de la France: Leur origine, leur signification, leurs transformations / Au. Longnon ; [publié par P. Marichal et L. Mirot ; préface de J. Chaurand]. — Paris : Éditions Honoré Champion, 1999. — XV + 831 p.
36. Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word-formation: A Synchronic-Diachronic Approach / H. Marchand. — 2nd ed., completely revised and enlarged. — München : C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1969. — 545 p.
37. Nègre E. Les nom de lieux en France / E. Nègre. — 2-e ed. — Paris : Ed. d'Artrey, 1977. — 184 p.
38. Nouvel A. Des pierres qui chantent / A. Nouvel // Actes du Colloque de Loches. — 1980. — P. 160—165.
39. Quimby M. J. American Place Names and their Derivation / M. J. Quimby. — New York : A. S. Barnes and Company, 1970. — 390 p.
40. Reany P. H. The Origin of English Surnames / P. H. Reany. — 3d imp. — London : Routledge and Kegan Paul, 1969. — 415 p.
41. Romig W. Michigan Place Names / W. Romig. — Detroit : Wayne State Univ. Press, 1986. — 673 p.
42. Skok P. Cantare in französischen Ortsnamen / P. Skok // Zeitschrift für Romanische Philologie. — № 32. — M. Niemeyer, 1968. — S. 555—599.
43. Stewart G. R. American Place-Names: A Concise and Selective Dictionary for the Continental United States of America / G. R. Stewart. — N. Y. : Oxford University Press, 1970. — XL + 550 p.
44. Strunk H. Imperative als niederdeutsche Flurnamen / H. Strunk // Zeitschrift für Ortsnamenforschung, 1932. — Vol. VIII. — S. 120—131.
45. Vincent Au. Toponymie de la France / Au. Vincent. — Bruxelles : Librairie Générale rue de Namur, 1937. — 418 p.

References

1. Atlas avtodorog Rossii, stran SNG i Baltii (prigranichnyie rajony). — M. : IPTs «Dizajn. Informat-sija. Kartografija» ; AST, 2001. — 200 s. : kart.
2. Balakaev M. B. Osnovnyie tipy slovosochetaniy v kazahskom jazyke / M. B. Balakaev. — Alma-Ata : Izd-vo AN Kazah. SSR, 1957. — 123 s.
3. Bitanova A. S. Glagolnyie konstruktii v kazahskoy toponimike Kustanajskoj oblasti // Pytannia onomastyky : materialy II Resp. narady z pytan' onomastyky. — K. : Nauk. dumka, 1965. — S. 234—236.
4. Bitanova A. S. Iz nablyudenij nad kazahskoj toponimikoj Kustanajskoj oblasti / A. S. Bitanova // Voprosy toponomastiki. — Sverdlovsk, 1962. — Vyp. 1. — S. 4—43.
5. Bocharova A. G. K voprosu ob istorii razvitiya slozhnyh slov s glagolnym komponentom vo francuzskom jazyke (na materiale imen sobstvennyh) / A. G. Bocharova // Uch. zapiski Tashkentskogo gos. ped. in-ta inostr. jazykov. — Tashkent, 1962. — Vyp. 6. Ch. 1. — S. 97—117.
6. Vitushkina L. A. «Glagolnyie» konstruktii v russkoj onomastike / L. A. Vitushkina // Uchenyie zapiski UrGU. — № 90. — Ser. Filologicheskaja. — Sverdlovsk, 1970. — Vyp. 13. — S. 25—29.
7. Donidze G. I. Glagolnyie toponimy v tiurkskih jazykah / G. I. Donidze // Toponimika Vostoka. Novyie issledovaniya : [sb. statey]. — M. : Nauka, 1964. — S. 39—46.
8. Zaimov I. Mestnite imena v Pirdopsko / I. Zaimov ; otgovoren red. akad. Vl. Georgiev. — Sofia : BAN, In-t za b'lgarski jezik, 1959. — 300 s.
9. Karpenko Yu. O. Toponimija Bukovyny / Yu. O. Karpenko. — K. : Nauk. dumka, 1973. — 240 s.
10. Matveev A. K. Nekotoryie voprosy lingvisticheskogo analiza substratnoj toponimiki / A. K. Matveev // Voprosy jazykoznanija. — M., 1965. — № 6. — S. 3—15.
11. Nikonov V. A. Vvedenie v toponimiku / V. A. Nikonov. — M. : Nauka, 1965. — 179 s.
12. Otin E. S. Retsenzija na: M. T. Janko. Toponimichnyj slovnyk-dovidnyk Ukrajin's'koi RSR / E. S. Otin. — K. : Radians'ka shkola, 1973. — 180 s. // Movoznavstvo. — K., 1974. — № 6. — S. 86—89.
13. Otin E. S. Rizni tipy paronimichnogo vyrivniuvannia sliv v apeliatyvniy ta onomastychnij leksyci / E. S. Otin // Movoznavstvo. — K., 1973. — № 2. — S. 63—73.
14. Pura Ja. O. Pohodzhennia nazv naselenyh punktiv Rovenschyny / Ja. O. Pura ; [red. T. O. Godolovina]. — Lviv : Svit, 1990. — 143 c.
15. Rybakin A. I. Slovar' anglijskih familij: ok. 22 700 familij / A. I. Rybakin. — M. : Russkij jazyk, 1986. — 576 s.
16. Selischev A. M. Proishozhdenie russkih familij, lichnyh imen i prozvisch / A. M. Selischev // Izbranyie trudy. — M. : Prosveschenie, 1968. — S. 97—128.
17. Selischev A. M. Staroslavianskij jazyk. Ch. 2. Teksty, slovar, ocherki morfologii / A. M. Selischev. — M. : Izd-vo Min. prosvesch. RSFSR, 1952. — 206 s.

18. *Sklyarenko O. M.* Ekzotychno-zagadkova kompozytna model «dieslovo + imennyk» (na materialy oykonimii USA ta Ukrainy) / O. M. Sklyarenko // *Ukrains'ka mova.* — 2009. — № 1. — S. 113—117.
19. *Sklyarenko O.* Typologichna onomastyka : [monografija]. U 5 kn. Kn. 2: Onomastychnyj slovotvir u typologichnomu rakursi / Sklyarenko Oleksiy, Sklyarenko Olga. — Odesa : Astroprynt, 2013. — 408 s.
20. *Sultaniaev O. A.* Iz nabliudeniij nad glagolnymi nazvanijami Kokchetavskoj oblasti / O. A. Sultaniaev // *Filologicheskij sbornik.* — Alma-Ata, 1967. — № 6—7. — S. 425—433.
22. *Tupikov N. M.* Slovar' drevnerusskikh lichnyh sobstvennyh imen / N. M. Tupikov. — St-Pb : Tip. I. N. Skorohodova, 1903. — 857 s.
23. *Ukrains'ka RSR:* Administratyvno-terytorialnyj podil na 1 veresnia 1946 roku. — 1-e vyd. — K. : Derzhpolityvdav URSS, 1947. — 1063 s.
24. *Ukrains'ka RSR:* Administratyvno-terytorialnyj podil [na 1 kvitnia 1967 r. z dod. vidomostej pro zminy do 1 sichnia 1969] : u 2 t. T. 1 / [vidp. red. V. E. Nyzhnyk]. — K. : Polityvdav Ukrainy, 1969. — 541 s.
25. *Fasmer M.* Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka : v 4 t. T. 2 / M. Fasmer ; per. s nem. i dopol. O. N. Trubachev ; red. i avtor predisl. B. A. Larin. — 2-e izd. — M. : Progress, 1986. — 672 s.
26. *Franko Z. T.* Gramatychna budova ukrains'kyh gidronimiv / Z. T. Franko. — K. : Naukova dumka, 1979. — 185 s.
27. *Shulgach V. P.* Oykonimiya Volini: Etimologichnij slovník-dovidnik / V. P. Shulgach. — K. : Kiy, 2001. — 189 s.
28. *Janko M. T.* Toponimichnyj slovník Ukrainy: Slovník-dovidnyk / M. T. Janko. — K. : Znannia, 1998. — 432 s.
29. *Alotta R. I.* Signposts and Settlers. The History of Place Names in the Middle Atlantic States / R. I. Alotta. — Chicago : Bonus Books, Inc., 1992. — 654 p.
30. *Billy P.* Les composés en canta- dans la toponymie de la France / P. Billy // *Nouvelle Revue d'Onomastique.* — Société française d'onomastique. — 1990. — № 15—16. — C. 55—86.
31. *Blevins D.* The Unusual Origins of More Than 3,000 American Place Names / D. Blevins. — Nashville ; Tennessee : Cumberland House, 2000. — 435 p.
32. *Camproux Ch.* Des toponyms qui chantent / Ch. Camproux // *Testschrift Walther von Wartburg zum 80. Geburtstag.* — Tübingen, 1968. — C. 87—105.
33. *Dauzat A.* Dictionnaire étymologique des noms de lieux en France / A. Dauzat, Ch. Rostaing. — Paris : Librairie Larousse, 1963. — 738 p.
34. *Gudde E. G.* California Place Names. The Origin and Etymology of Current Geographical Names / E. G. Gudde. — 4th ed., rev. and enl. — Berkley ; Los Angeles ; London : University of California Press. — 1998. — XXVI + 467 p.
35. *Longnon Au.* Les noms de lieu de la France: Leur origine, leur signification, leurs transformations / Au. Longnon ; [publié par P. Marichal et L. Mirot ; préface de J. Chaurand]. — Paris : Éditions Honoré Champion, 1999. — XV + 831 p.
36. *Marchand H.* The Categories and Types of Present-Day English Word-formation: A Synchronic-Diachronic Approach / H. Marchand. — 2nd ed., completely revised and enlarged. — München : C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1969. — 545 p.
37. *Nègre E.* Les nom de lieux en France / E. Nègre. — 2-e ed. — Paris: Editions d'Artrey, 1977. — 184 p.
38. *Nouvel A.* Des pierres qui chantent / A. Nouvel // *Actes du Colloque de Loches.* — 1980. — P. 160—165.
39. *Quimby M. J.* American Place Names and their Derivation / M. J. Quimby. — New York : A. S. Barnes and Company, 1970. — 390 p.
40. *Reany P. H.* The Origin of English Surnames. Third impression / P. H. Reany. — London : Routledge and Kegan Paul, 1969. — 415 p.
41. *Romig W.* Michigan Place Names / W. Romig. — Detroit : Wayne State University Press, 1986. — 673 p.
42. *Skok P.* Cantare in französischen Ortsnamen / P. Skok // *Zeitschrift für Romanische Philologie.* — № 32. — M. Niemeyer, 1968. — S. 555—599.
43. *Stewart G. R.* American Place-Names. A Concise and Selective Dictionary for the Continental United States of America / G. R. Stewart. — New York : Oxford University Press, 1970. — XL + 550 p.
44. *Strunk H.* Imperative als niederdeutsche Flurnamen / H. Strunk // *Zeitschrift für Ortsnamenforschung,* 1932. — Vol. VIII. — S. 120—131.
45. *Vincent Au.* Toponymie de la France / Au. Vincent. — Bruxelles : Librairie Générale rue de Namur, 1937. — 418 p.

СКЛЯРЕНКО Ольга Миколаївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: asklyarenko@yahoo.com; тел.: +38 (0482) 493103, моб.: + 38-098-0230913

«ІМПЕРАТИВНІ КОНСТРУКЦІЇ» В ОНОМАСТИЦІ (ТИПОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ)

Анотація. У статті представлено типологічний аналіз антропонімів і складних топонімів (комполітів), які є похідними від форм наказового способу дієслів у слов'янських, романських і германських мовах. Встановлено риси схожості між одиницями, що формують особливу імперативну модель назв в індоєвропейських мовах.

Ключові слова: імперативна модель, топонім, ойконім, антропонім, композит.

Olga N. SKLYARENKO,

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages of Humanities Departments of Odessa Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: asklyarenko@yahoo.com; tel.: +38(0482)493103, mob.: +38 098-0230913

«IMPERATIVE MODEL» IN ONOMASTICS (TYPOLOGICAL ASPECT)

The article is devoted to the analysis of anthroponyms and compound place-names of the imperative model in Slavonic, Romanic and Germanic languages. Some typologically similar features have been revealed. There are two distinct formations in English: 1) «Verb + Noun» (John *Wakedogge*); 2) «Verb + Adverb» (Gilbert *Gofaire*). Anthroponyms and compound place-names of the model «Verb + Noun», the first component having the form of the imperative (imperative mood), exist in many languages.

In conclusion it should be noted that their way of development is typologically similar: *Drinkwater* has its parallel in the French *Boileau* and is to be compared with *Bevin, Bivins* (*bei vin* = 'drink wine'), a suitable nickname for an Englishman whose favourite drink was wine and not the more usual ale. In France, where wine was the normal drink, A. Dauzat takes *Boivin* to be a nickname for a heavy drinker. Whether these 'imperative names' in English are indigenous or imported from France is a difficult problem. There is certainly evidence of French influence which later becomes more obvious in the appearance of French and English doublets but there seems no reason to doubt that some, at least, of these names are of English origin. They occur early and often in the Romance languages and Otto Jespersen is of the opinion that such formation as *pick-pocket, make-peace, turn-coat, catch-penny* seem to be modeled on the French formations. Having arisen in the sphere of common nouns, they penetrated into onomastics where they exist and function according to onomastic laws. As so often, surnames compel us to revise this view for imperative names are found much earlier and are much more numerous than common nouns of similar formation.

Imperative names are strikingly various and versatile as to the lexical meaning of their components. Some names we can explain literally, but what the name actually meant to the man's contemporaries we do not know, whilst others are a complete mystery. They may be regarded as a new trend in onomastic word-formation.

Key words: imperative names, word-formation, anthroponym, compound model, toponym, oikonym.

Статтю отримано 29.07.2014 р.

УДК [811.161.1+811.162.1]'23'373.46:336:659:[303.433.4+006.915.2]

ЮЗВЯК Йоланта,

кандидат филологических наук, Институт неофилологии и прикладной лингвистики Университета Казимира Великого; Быдгощ, Польша;
e-mail: jjozwiak@tlen.pl; тел. + 48-791248967

НАЗВАНИЯ БАНКОВСКИХ ПРОДУКТОВ (между глобализацией и национальной спецификой)

Аннотация. В статье представлена попытка выявить когнитивные мотивы, реализующиеся в номинациях русских и польских банковских продуктов. Анализ наименований банковских счетов и кредитных карт показывает, какие мотивы используются специалистами по неймингу, задачей которых является с помощью наименования привлечь внимание потенциального клиента и воздействовать на выбор определённого банковского продукта.

Рассматривается много мотивов различного характера. Автор старается определить мотивы возникновения неонимаций, общие для русского и польского языков, что связано с процессами глобализации в рекламе (не только в бизнес-коммуникации), а также мотивы, отражающие в какой-нибудь степени национально-культурную специфику.

Целью анализа является прежде всего определение различий между русской и польской бизнес-коммуникацией в исследуемой банковской сфере в контексте глобализации и национальной специфики. Учитываются также сходства и различия в экономических системах обеих стран.

Ключевые слова: номинация, когнитивный мотив, банковская коммуникация, названия банковских счетов, названия кредитных карт, русско-польское сопоставление.

В современных условиях повышенной конкурентности на потребительском рынке, в том числе и в сфере финансовых услуг, названия банковских продуктов могут сыграть существенную роль как вербальный элемент комплексной рекламной акции, направленной на воздействие на сознание потенциальной потребительской аудитории.